

стихия светлейшего Пасхального торжества. В звуках этих православный человек слышит свой Праздник, находит выход и своим праздничным чувствам.

Немного иначе звучат его Богородичные произведения: «Совет Превечный...», «Ангел вопияше...». Сочинения эти исполнены мягкой лиричности, пронизаны светом и теплотой, нежностью и чистотой восприятия.

Эпически сурово, но необыкновенно торжественно и великолепно его «Хвалите имя Господне...» Знаменного роспева. Это и многие другие его произведения по характеру, точности, внутреннему знанию сущности церковной службы, по христианскому чувству ее, являются истинным достоянием хорового искусства и украшением каждого богослужения и особенно службы Патриаршей, торжественной, символизирующей Торжество Православия. Под мощными аккордами этих песнопений каждый человек чувствует, что и он позван и призван, что и его слуха достиг божественный глагол. Теперь и он, и каждый предстоит Богу, видит дело Божие очами духа, открывшимися в благодатном вдохновении. «Хвалите раби Господа...», — слышим мы проникновенный призыв к пению, и вдруг осознаем, что мы обретаем некую духовную очевидность; в нас вострепела, прозрела и творчески внимает звукам душа, она начала молиться. И в этом случае церковные слова и музыка действительно осуществляются в жизни, они становятся для молящегося человека событием: поет и служит Святая Русь!

Сколько радости, умудрения и целения предстоит испытать тому, кто услышит церковную музыку Павла Чеснокова, этого самобытного и глубокого русского композитора! Какое богатство художественного содержания откроется русскому человеку, какие потоки пения омоют его душу, какие ритмические образы и события захватят его, какими молитвами прозрения и благодарности обогатится его дух!

Потомственный регент, Павел Григорьевич Чесноков, своим усердным трудом и благодатным вдохновением поднялся на вершину русской хоровой культуры. Он — композитор, дирижер, педагог первой половины XX века. Мы отмечаем его любовь к хоровому исполнительству, глубокую осмысленность и последовательность в работе с хором, горячее творческое чувство и огромный талант художника и музыканта. Как церковный композитор он служил Богу и людям с радостью, он вовлекал своей музыкой слушающих его хор и молящихся в храме людей в сослужение Богу вместе с собой, служение свободное и добровольное, именуемое вдохновением.

Л.Л.Кравец

ПАВЕЛ ГРИГОРЬЕВИЧ ЧЕСНОКОВ: ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО

Детство. Синодальное училище церковного пения

Павел Григорьевич Чесноков родился 12 октября 1877 года близ города Воскресенска Звенигородского уезда Московской губернии. Происхождение рода Чесноковых неизвестно. Есть лишь весьма скромные сведения о социальном статусе родителей Павла¹. Известно, что его отец — Григорий Петрович — являлся государственным крестьянином Серпуховского уезда; мать — Марфа Федоровна — мещанка Воскресенского уезда. Отец руководил хором при фабрике (стать

Раздел III

регентом частного хора, особенно провинциального, в то время было делом не таким уж и сложным). В отчетах Наблюдательного совета при Синодальном училище встречаются описания подобной ситуации: «По обычаю в церковно-певческие хоры поступали лица мужского пола — взрослые и дети. Те и другие вербовались преимущественно из низших сословий — мещанского и крестьянского, только что вышедшего из крепостного состояния. Из руководителей — регентов <...> немного было лиц, получивших специально-музыкальное образование; обыкновенно ими являлись те же певчие, более смелые и находчивые, и успевшие практически сколько-нибудь ознакомиться с делом. <...> Хозяева — содержатели, стараясь извлечь возможно большую высоту из труда певчего, обсчитывают его, не выдают ему положенного жалованья, наконец, по своему произволу совсем лишают его назначенного заработка, когда этого требует выгода предпринимателя»². Практически так же сложилась судьба Григория Петровича: доход его был невелик, да и тот вскоре (к 1894 году) управляющий сбавил с 30 рублей до 25, а затем и вовсе распустил хор. Григорий Петрович, потеряв работу, со всей семьей переехал в деревню близ станции Подсолнечная. Там Чесноковы прожили еще несколько лет, пока не умерли родители и не разъехались дети.

Семья Чесноковых была весьма многочисленна — две сестры и восемь братьев³. Семья, домашний уклад, окружавший Павла в детстве, предопределили будущее — и его собственное, и его братьев Сергея⁴, Николая⁵, Михаила⁶, Якова⁷, Александра⁸ и Льва⁹. Павел был седьмым ребенком. Поэтому определение детей в Синодальное училище, по мнению отца, было самым удачным во всех отношениях. К тому же Синодальное училище было практически единственным бесплатным учебным заведением, к тому же с казенным содержанием учащихся и с общежитием (касалось это и москвичей)¹⁰. Учащиеся находились на полном пансионе, постоянно жили в училище, в том числе москвичи.

Учебный год и вообще вся жизнь училища строились в соответствии с церковным календарем. С 7 августа начинались ежедневные, исключая субботу и воскресенье, спевки к главному празднику Успенского собора — дню Успения Пресвятой Богородицы. К этому времени в хор мальчиков «вливались» бывшие ученики приготовительного класса, перешедшие весной в первый класс.

1 сентября было началом учебного года и одновременно началом церковного года. В это утро в большом зале училища служился молебен, на котором присутствовал весь педагогический состав, а также прокурор Синодальной конторы. С этого дня начиналась обычная жизнь «синодалов», в которой учеба неразрывно переплеталась со службами в Успенском соборе. В распорядке училища были ежедневные утренние и вечерние молитвы, молитвы перед началом и после каждого урока, а также — в столовой. Обычные песнопения исполняли спокойными голосами, доступным для всех унисоном. В училище соблюдались посты, установленные Православной Церковью, в соответствии с которыми «все ученики в первую и последнюю седмицы Святой Четыредесятницы говели и приобщались Святых Таинств»¹¹. Кроме этого соблюдались установленные православной церковью постные дни (среда и пятница). Исповедовались и причащались «синодалы» на первой и последней неделе Великого Поста в кремлевском храме Николы Гостунского, что в колокольне Ивана

Великого. В дни причастия литургию служили специально для «синодалов», и пел за ней ученический хор без взрослых певчих.

День в училище начинался в 7 часов утра. Молитва, завтрак, полчаса игры на рояле, полчаса на скрипке, подготовка уроков. В 10 часов спевка Синодального хора, которая оканчивалась полпервого, и в час дня подавался обед. После обеда до двух отдых, потом уроки по научным предметам, отдых и занятия музыкой по расписанию. С полседьмого до восьми подготовка к завтрашним научным урокам по курсу средней школы с изучением латыни и греческого. Полдевятого ужин, вечерняя молитва и сон. Некоторым старшим разрешалось бодрствовать и после молитвы, но не позже десяти часов.

Годы обучения Павла Чеснокова пришлись на время реформ. В 1886 году, в год поступления Павла в училище, происходит первая реформа, в результате которой из низшего четырехклассного училища при Синодальном хоре оно превратилось в среднее музыкальное учебное заведение: было добавлено еще 4 класса и расширена учебная программа¹². Для наблюдения за благоустройством церковно-певческой части в училище и для направления Синодального хора к «преуспеянию в духе древнего православного церковного пения» был учрежден Наблюдательный совет, в первый состав которого вошли такие корифеи, как П.И.Чайковский и протоиерей Димитрий Разумовский.

В 1889 году в Синодальное училище приходит новый директор — Степан Васильевич Смоленский, с появлением которого началась еще одна реформа, повлекшая глобальные перемены в старейшем учебном заведении. Значение их оказалось велико не только в судьбе Павла Чеснокова, но и в истории всей русской духовной музыки. Училище с новым штатом и программами получило специальный музыкально-певческий характер. Во главе хора с 1886 года стал талантливый регент В.С.Орлов. Произошло повышение в классах и окладах администрации и служащих. Разрешено было иметь печать с государственным гербом и надписью «Московского Синодального училища церковного пения и Синодального хора».

Чтобы явственнее показать, какие же изменения произошли при С.В.Смоленском, необходимо представить состояние и атмосферу училища до его прихода. Самым красноречивым свидетельством являются «Воспоминания» самого Степана Васильевича. Описываемые им быт и нравы Синодального училища относятся к тому времени, когда Павел закончил два класса (ему было тогда от 9 до 11 лет).

Смоленский писал: «Синодальное училище и хор я застал в виде двойком. Училище было совершенно расстроено как в учебном, так и дисциплинарном отношении; хор был относительно слажен, пел довольно стройно и звучно, но в то же время был глубоко невежествен по незнанию элементов музыки и по репертуару и глубоко недисциплинирован по так называемому «халтурянию» (пению потихоньку в чужих хорах) и полному упадку поведения певчих. Бедность хора и училища была совершенно полная во всех без исключения отношениях. <...> Средства, отпускавшиеся Синодом на содержание малолетних певчих, были просто нищенскими. Хор дополнял их, нанимаясь петь по Московским церквам на целые годы, равно на отдельные службы. Оттого <...> Синодальный хор измельчал до последней степени, <...> наконец, дошел до того, что стал посылать на «казенные службы» (то есть в Успенский собор) самых плохих

Раздел III

Степан Васильевич Смоленский

певцов, хороших же певчих администрация хора гоняла по церквам к ранним и поздним обедам, по свадьбам, похоронам, панихидам и пр. за самую ничтожную плату»¹³.

Что касается состояния учебных дел, Степан Васильевич писал после одного проверочного экзамена, приведшего его в недоумение, что даже лучшие ученики не знали таблицу умножения, писали корову через «а» и не могли сыграть на скрипке гамму A-dur, ссылаясь на незнание «диезов и бемолов». Игре на скрипке в Синодальном училище учили разом по пять-шесть-семь человек, кучей, и что плата за обучение полагалась учителю по расчету на каждого ученика по 10 минут в неделю (два раза по 5 минут).

С.В.Смоленский был настроен решительно. На заседании Совета было постановлено «вычистить Синодальное училище от всех самых нетерпимых плевел, безнадежных по лени, по отсталости и прямо вредных по поведению». Смоленский четко формулировал задачи и цели обучения в Синодальном училище. Выпускники училища должны были становиться не только регентами и учителями русского пения, но и «бойцами с заполонившей наши клиросы дребеденью вроде сочинений Виктора, Феофана, Багрецова на севере и Веделя и Дегтярева на юге Русской земли»¹⁴.

Преобразования, которые застал в свои ученические годы Павел Чесноков, предопределили его судьбу. Многие из того, что было получено за годы учебы, впоследствии способствовало его профессиональным достижениям. Еще в 1898 году Н.Ф.Финдейзен, часто освещавший музыкально-духовную жизнь в прессе, отмечал, что «программа училища обширна и захватывает многие области музыкального знания, давая тем самым возможность питомцам этого заведения не только оставаться в сфере узкой специальности (церковного певчего и регента), но и иметь в будущем про запас и другие знания, родственные церковно-певческой и даже общемусыкальной области»¹⁵. Интересно, что в той же статье автор среди преподавателей упоминает П.Г.Чеснокова — как яркий пример педагога из числа выпускников училища: «По этому ученику уже видно, какие силы могут выходить из Синодального училища»¹⁶, — однако Финдейзен и представить себе тогда не мог, насколько широко развернутся «питомцы», найдя приложение своим профессиональным знаниям и умениям не только в церковно-певческой сфере, но и далеко за ее пределами, в новых условиях жизни¹⁷.

Некоторые сохранившиеся документы дополняют картину годов учения Павла Чеснокова. В 1889-м — в год прихода в училище Смоленского — Павел Чесноков был учеником 3-го класса, того

самого, который начал усиленно «наверстывать упущенное». По учебному плану проходило 11 музыкальных предметов (хоровые партитуры, сольфеджио, контрапункт, церковное пение и его история, обычное пение, постановка голоса, гармония, фортепиано, скрипка, виолончель) и 14 общеобразовательных (церковная история и катехизис, русский язык, литература, словесность, арифметика, алгебра, геометрия, география, гражданская история, латинский язык, греческий язык, чистописание, рисование, гимнастика). Два-три раза в месяц давались ученические концерты. «На этих вечерах мною контролировались успехи учеников, — писал Смоленский, — ученики приучались к более тщательному приготовлению ответов и находчивости при публике. <...> Сначала такие вечера были ужасны по исполнению и слабости программы, ныне мы уже слушаем более толковые исполнения, и требования возвышены до неузнаваемости»¹⁸. Из программ известно, что Павел Чесноков постоянно (каждый месяц по два раза) выступал, исполняя соло и дуэтом произведения на фортепиано и скрипке¹⁹. Александр и Павел Чесноковы имели большой успех в этих ученических концертах. Более того, Павел считался первым скрипачом в Синодальном училище. Вообще, он учился хорошо. Так, в одном из писем он сообщает, что закончил 7-й класс отлично и перешел в 8-й, блестяще сдав все экзамены²⁰.

В 1895 году Павел Григорьевич Чесноков окончил Синодальное училище. Его имя было занесено на «Золотую доску» училища.

Из стен Синодального училища с его новым директором и новыми учебными программами выходили не только высокообразованные регенты, учителя пения, певчие церковных хоров, но, главное, **композиторы духовной музыки**. В это же время (1894 год) пробует свои силы в композиции и Павел Чесноков, и, видимо, достаточно успешно, так как сообщает брату, что сделал по композиции «огромный прыжок», а летом собирается писать обедню. Между тем, в Успенском соборе начинают петь сочинения Чеснокова.

Первейшая цель Смоленского, стремившего возродить «новую старину», повлекла за собой углубленное изучение истории церковного пения учащимися, чему способствовала и собранная директором библиотека древних певческих книг. «Изучение этих сочинений, в связи с теоретическими курсами взрослых певчих и особенно малолетних <...>, чрезвычайно подняли интеллектуальность Синодального хора, начавшего петь умно и выработавшего превосходную голосовую технику. Начало этого совершенства относится к зиме 1893/94 годов, когда оно разбудило талант А.Кастальского, а затем П.Чеснокова, начавших писать под впечатлениями древних напевов и приемов старого мастерства»²¹.

Первые духовные произведения Чеснокова «встречались с особым вниманием со стороны Степана Васильевича; он берег и всячески лелеял нарождающийся талант. Без своих критических замечаний и указаний Степан Васильевич не оставил ни строчки из написанного в ту пору П.Г.Чесноковым»²².

Первый обнаруженный отзыв о концертном исполнении сочинений двадцатилетнего Павла Чеснокова появился в 1897 году, в «Московском листке» от 20 декабря. «В четверг состоялся в Синодальном училище церковного пения духовный концерт. Художественное законченное пение Синодального хора общеизвестно. <...> Синодальный хор исполнил Херувимскую (Глинки) в полном совершенстве.

Раздел III

Из остальных номеров программы отметим сочинения гг. Чеснокова и Кастанальского. Г-н Чесноков — талантливый юноша, блестяще окончивший курс в Синодальном училище. Обе его вещи — Херувимская песнь и «Достойно есть...» — обнаруживают и композиторские способности, и знание, и желательное национальное направление»²³.

Именно эти годы (1897–1898) Смоленский выделял особо: «П. Чесноков написал в этот период много вещей, значительно раздвинувших репертуар концертов»²⁴. Речь идет о духовных сочинениях ор.7: двух Херувимских (си минор и «Стрелецкая»), «Достойно есть...» и двух причастных («О всепетая Мати...» и «Высшую небес...»). Все они, кроме си-минорной Херувимской, которая еще раньше была посвящена Орлову, посвящены Смоленскому. Некоторые из этих произведений были исполнены Синодальным хором во время исторических гастролей в Вене (1899) и Риме (1911), а также в Варшаве²⁵.

Годы исканий. Признание. Расцвет творчества

В своих «Кратких автобиографических набросках» Чесноков сам определяет тот рубеж, с которого начинается его «взрослая» жизнь. «В 1895 году 17-летним молодым человеком я окончил курс замечательного Московского Синодального училища. <...> С вышеупомянутого года началась моя педагогическая, композиторская и писательская деятельность»²⁶.

Делясь первыми впечатлениями от «новой» жизни, он писал брату Александру: «По требованию Степана Васильевича я оставил скучную Подсолнечную и отправился в Москву. Право, не могу описать чувства, охватившего меня во время отъезда. Я воображал себе жизнь, которая с отъездом из Подсолнечной начнется для меня, воображал себе будущую деятельность, и все это в высшей степени интересовало меня и волновало мою молодую душу. Поселился я в здании родного училища, рядом с первым моим другом Степаном Васильевичем. <...> И стал я ходить в школы, и стал я заниматься с мальчуганами. Интересное занятие. 2-е Сущевское, 4-е Рогожское и свое (Синодальное училище) и еще частный урок теории, мои занятия по части преподавания: скрипка, история церковного пения»²⁷. Несколько позже Павел Григорьевич напишет в автобиографии об этом так: «Педагогическая моя деятельность протекала в Москве. Кажется, не было такого типа школы, в котором я не занимался бы педагогической работой»²⁸.

Сразу после окончания училища Смоленский ходатайствует о решении принять Чеснокова на работу в Синодальное училище учителем сольфеджио, мотивируя это тем, что остающиеся при училище даровитые молодые люди могут «создать в училище круг своих же учителей, которые бы служили Синодальному училищу именно так, как не могут служить чужие, то есть выученные по-немецки и с виртуозными идеалами ученики консерватории и ничего не понимающие ученики Капеллы»²⁹. В 1898 году Чесноков начинал преподавать еще один предмет в Синодальном училище — церковное пение. Помимо этого он помогал Смоленскому проводить цензуру пьес, призываемых Св.Синодом на отзыв.

С сентября 1901 года Чесноков получает новую должность при Синодальном хоре — «исполняющего обязанности помощника регента»³⁰, при этом продолжая вести свой предмет «церковное пение».

К 1902 году при Синодальном хоре, главным регентом которого был В.С.Орлов, помощниками регента состояли Кастаньский, Чесноков и Данилин. Об этой непростой ситуации читаем в письме А.В.Преображенского С.В.Смоленскому: «Теперь у Синодального хора целых четыре регента — Орлов, Кастаньский, Чесноков и Данилин. В одной скорлупе — могут ли они ужиться в ней?»³¹. В этой ситуации Орлов сохранил за собой ответственные выступления и духовные концерты хора, за Кастаньским и его помощниками оставались службы в Успенском соборе. Взаимоотношения четырех регентов, действительно, были напряженными. Так, и Чеснокову, и Данилину (последний к тому же не поладил со взрослыми певчими) в мае 1904 года пришлось уйти из хора.

Будучи помощником регента Синодального хора, Чесноков начинает работать с любительскими коллективами, сначала с **хором церкви Космы и Дамиана** (в Шубине, хор был организован старостой церкви Р.Д.Востряковым, а репетиции проходили в доме Востряковых на Б.Дмитровке), затем с **хором церкви Троицы на Грязях**. Работа с этим хором совпала со временем наивысшего расцвета композиторского и регентского таланта Чеснокова³².

Из его письма Смоленскому явствует, что «Дела с любительским хором идут весьма успешно и приносят... временами большое нравственное удовлетворение. Теперь заканчивается печатание в литографии большого, партитурно изложенного, сборника духовно-музыкальных произведений новейших авторов, предназначенного для любительского хора на нынешний сезон. В настоящее время пишу доклад «Любительский хор, его роль и значение». Цель доклада: убедить членов кружка в необходимости второй спевки в неделю. Не имея никакого успеха в Синодальном училище³³ и не встречая участия, я всю энергию направил в любительский хор. Я всегда стремлюсь туда, где живое дело, а не служба со всеми ее осложнениями»³⁴.

К 1910-м годам Павел Чесноков не только известен всей Москве как выдающийся регент хора церкви Святой Троицы на Грязях³⁵, но и знаменит на всю Россию как духовный композитор.

Первые композиторские опусы Павла Чеснокова, повторим сказанное выше, появились еще в годы учения в Синодальном училище. С самого начала Смоленский считал его очень талантливым и ставил выше других своих подопечных. О таланте Чеснокова Смоленский неоднократно упоминает в своих мемуарах. «Паша Григорьевич Чесноков несомненно талантлив, знает хор, но школа его пошла немногим далее Синодального училища. <...> Я считаю Пашу выше Кастаньского по дарованию». «Павел Григорьевич Чесноков, мой ученик, очень даровит, но мало учился, пройдя курс Синодального училища и занимаясь потом с Ипполитовым-Ивановым. Отлично знает хор, умен, скромн, но совершенно невоспитан, почему, несмотря на всю свою добрую душу, все-таки груб и самомненин по молодости своих лет. Некоторые его хоровые вещи написаны очень живо и умно»³⁶.

Несмотря на столь внешне благополучную картину, формирование Чеснокова как композитора происходило достаточно трудно. «Комплекс недоученности» не давал ему покоя. После окончания Синодального училища Чесноков продолжал свои занятия по композиции сначала с М.М.Ипполитовым-Ивановым, после занятий с которым, по мнению самого Чеснокова, он «гораздо подвинулся вперед», особенно в сфере вокальной музыки («Крестьянская пирушка» для женского

Раздел III

хора с фортепиано, «Дядюшка Яков» для женского хора, тчеца и фортепиано и романс для баритона на слова Круглова «Скрепили наш союз и радости и муки» для баритона). Вскоре были изданы еще и 12 духовно-музыкальных сочинений для смешанного хора³⁷.

В 1900 году произошла первая встреча Чеснокова с С.И.Танеевым. Павел Григорьевич получил задание написать струнный квартет в 4-х частях. Промучившись некоторое время, он понял, что не готов к такой сложной работе. Вторая встреча произошла через четыре года: «Во вторник 2 февраля я направился <...> к Танееву. Он очень любезно принял меня, но учить меня отказался, отказался на том основании, что очень дорожит временем. «Работы много, а жить осталось мало». Я был уничтожен. Уходя, я оставил ему все свои печатные сочинения. Утопающий, говорят, и за соломинку хватается. И вот эта соломинка не дала мне окончательно утонуть. 6 февраля, в воскресенье <...> я встретил Танеева. Он сказал, что мои сочинения произвели на него благоприятное впечатление, а некоторые очень понравились. С этого разговор начался, а кончился тем, что он задал мне урок: написать несколько тем для вариаций в изложении струнного квартета. Я, конечно, был на седьмом небе. Завязались отношения. К назначенному им сроку пять тем было написано. Он остался доволен. Избрав одну из пяти, он задал мне написать вариации. Тут же указал мне Вариации Моцарта и Бетховена. Велел купить квартеты Моцарта. Вот теперь и пишу вариации. Написано четыре, а будет шесть. Это обстоятельство меня весьма обрадовало, и я ежедневно охотно работаю»³⁸. Но вскоре и эти занятия прекратились.

В декабре 1901 года Чесноков писал Смоленскому: «Вы пишете относительно моего желания учиться музыке. Это желание действительно всегда было, а за последнее время я особенно усиленно об этом думаю. Но мне в консерватории учиться бы не хотелось. Я предпочел бы частные уроки. Собственно, мне бы хотелось учиться у Конюса. Я бы с удовольствием повторил и гармонию и контрапункт, но не более как в течение полугода, а потом годика на два засел бы за формы и основательно изучил их. После этого разрешилось (бы) мое сомнение: композитор я или нет. Думаю, вернее чувствую, что да. Но... чего-то не хватает: знаний, школы, вероятно. Вот мне и хотелось бы года в три все основательно пройти, а потом — что будет»³⁹.

Тем не менее, в возрасте 36 лет, будучи уже известнейшим регентом и автором большого количества духовных произведений, Чесноков поступил в Московскую консерваторию, где посещал лишь некоторые предметы: композицию в классе С.Н.Василенко, историю музыки, гармонию, инструментовку.

Однако, несмотря на то, что профессиональная цель Павла Григорьевича была достигнута, список созданных им в то время, да и в последующие годы, «светских» работ совсем не велик: Симфония ре минор (1915–1916), Увертюра на русские темы (1916), опера «Купец Калашников» (1916–1917), Соната для фортепиано в 4-х частях (1917 — экзаменационная работа по классу «Музыкальная форма»), «Потоп» — музыкальная поэма для соло, хора и оркестра (1943) и обработки русских народных песен (1940-е годы).

Совсем иная картина складывалась на поприще духовной музыки. Выдающимся в творческой биографии Чеснокова можно назвать 1907

год, когда было написано 7 опусов (это более 70 произведений) духовной музыки⁴⁰. Чесноков много издается, и столь же много о нем пишут. Едва ли не в каждом номере журнала «Хоровое и регентское дело» рецензировались его новые сочинения, при этом постоянно отмечалось, что «г. Чесноков, как композитор духовно-музыкальных произведений, пользуется репутацией далеко не заурядного работника в данной области»⁴¹. Опусы 17, 18, 19, 20, 22 характеризуются как «капитальный вклад в духовно-музыкальную литературу»⁴². Об ор.20 (Прокимнах) написано, что эти «сочинения принадлежат к тому счастливому периоду творчества,

П.Г.Чесноков. 1919 год

когда почти все, что выходило из-под пера, составляло ценный вклад в нашу духовно-музыкальную литературу. Глубокое проникновение в духовные древние церковные мелодии, ясная, чистая и красивая гармония, великолепное знание хора и умение использовать его эффекты, — вот достоинства г. Чеснокова, как композитора, не чуждые и переложениям прокимнов»⁴³. Песнопения Всенощного бдения ор. 21 (1908) отнесены к тем «прекрасным сочинениям г. Чеснокова, которые всегда с удовольствием слушаем и получаем истинное наслаждение»⁴⁴.

Еще одним «урожайным» годом можно назвать 1912-й, когда были написаны 7 опусов: ор. 34, 35 — «светские» хоры, ор.36 — «Галины песни», ор. 37, 38, 39, 40 — духовно-музыкальные сочинения⁴⁵. В 1913–1915 годах к ним прибавляются опусы 41, 42, 43 и 44⁴⁶. В 1916 году, когда шел третий год войны, Чесноков создает ряд сочинений, желая поддержать усиленные молебствования в стране: ор. 45 — «Во дни брани», ор. 46 — «Последование молебного пения ко Господу Богу, певаемого во время брани против супостатов», ор. 47 — Ирмосы воскресные 8 гласов, ор. 48 — Сочинения и переложения духовных песнопений, ор. 49 — «Ко Господу Богу». Последним дореволюционным сочинением стал ор. 50 — Всенощная и Литургия обычного напева, посвященные Каяюту⁴⁷.

Связь с Синодальным училищем его выпускников сохранялась обычно всю жизнь. Выпускник Синодального училища, регент Синодального хора Николай Семенович Голованов писал: «Синодальное училище дало мне все: моральные принципы, жизненные устои, железную дисциплину, умение работать много и систематически, привило мне священную любовь к труду»⁴⁸. Чесноков, пройдя все этапы — от ученика до преподавателя и помощника регента — так же, как и многие другие выпускники, оставался благодарным своей школе

и особенно своему учителю и другу Степану Васильевичу Смоленскому. Около 1912 года по инициативе Чеснокова было создано Общество вспомоществования бывших воспитанников Синодального училища, которое решило установить в училище бюст Смоленского⁴⁹, а также организовывать ежегодные концерты Синодального хора из сочинений выпускников училища. Журнал «Хоровое и регентское дело» в 1913 году сообщал: «Скромное торжество состоялось в зале Московского Синодального училища церковного пения 28 октября настоящего года: поставлен бюст-памятник С.В.Смоленского. Постановка бюста <...> является данью их любви и уважения к памяти любимого учителя. Все необходимые средства были собраны по подписке исключительно между бывшими учениками Степана Васильевича. <...> Труды по сбору надобной суммы и все хлопоты по устройству и постановке бюста принял на себя ученик покойного, известный духовный композитор Павел Григорьевич Чесноков.

<...> Перед открытием бюста протоиереем В.И.Кедровым в сослужении с протодиаконом К.В.Розовым, при пении Синодального хора, была отслужена панихида, по окончании которой было снято покрывало с бюста. Затем П.Г.Чесноков, передав в нескольких словах ход устройства бюста, отметил, что доброе участие и содействие оказали два лица — прокурор Московской Синодальной конторы Ф.П.Степанов и автор бюста, московский скульптор Н.А.Андреев⁵⁰.

РЕВОЛЮЦИЯ. «НОВАЯ ЖИЗНЬ»

1917 год для Чеснокова был пиком славы: его композиторское творчество находилось в самом расцвете. К тому же этот год ознаменовался для Павла Григорьевича приобретением нового статуса — дипломированного композитора. Весьма успешно протекала и его регентская деятельность. Начав еще в 1913 году обобщать свой опыт в «Заметках регента», к 1917 году он приходит к мысли о книге.

«Всю жизнь чувствуя в себе композиторское дарование и написав уже много музыкальных произведений, я в 1913 году вступил в качестве студента в Московскую Государственную консерваторию, которую окончил по классу профессора Василенко С.Н. в 1917 году. Получив высшее музыкальное образование, я все же сосредоточил, главным образом, свою композиторскую деятельность на хоровой работе, результатом чего появились в печати ряд хоров, детских песен и обработок русских песен. Но все же любимой моей деятельностью являлась и является и до сего дня дирижерско-хоровая работа. Расцвет ее был в 1920–1921 годах в московской Государственной Капелле» — так писал Павел Григорьевич о себе в советские времена. Все, что осталось за гранью 1917 года, пришлось придать забвению или усиленной ретуши, и потому в его композиторском послужном списке остались лишь «ряд хоров, детских песен и обработок русских песен»⁵¹.

Прямых свидетельств о том, как Чесноков воспринял революцию, нет. Но настроения того времени можно воссоздать с помощью других источников. Кастальский писал другу в Петербург: «Живы ли вы? И как живы? Еле-еле, впроголодь, или более или менее сносно? Едва ли. <...> Ученья в «Синодалке» не начинали... Да и начинать-то не на что — все прожито! Малых ребят по возможности отпускаем к родителям, а теперь после бойни московской — и особенно охотно.

Да теперь и хору делать нечего — Успенский собор разворотили (центральный купол — в опасном положении)»⁵².

Синодальный хор еще продолжал пение за службами. Последний раз он пел в Успенском соборе на Пасху 1918 года. «В эту Пасху кончились и богослужения в соборе, и его знаменитый хор»⁵³.

По-разному сложились жизненные пути «синодалов». Некоторые, как Н.М.Данилин, Н.С.Голованов, В.П.Степанов, добились очень больших успехов на артистическом поприще. Другие, как Александр Дмитриевич Кастальский или Виктор Сергеевич Калинин, вскоре после революции ушли из жизни. Третьи, как Рахманинов, Гречанинов, Черепнин, А.Г.Чесноков, К.Н.Шведов, уехали за границу.

«После закрытия училища и академии все бывшие певцы Синодального хора разбрелись кто куда, — писал один из выпускников. — Когда я после армии вернулся в Москву, то обнаружил сразу три государственных хора: одним управлял Данилин, другим Чесноков и третьим А.В.Александров, бывший регент храма Христа Спасителя, потом создатель Краснознаменного ансамбля. Во всех этих хорах были наши певцы, особенно много у Данилина»⁵⁴.

В январе 1919 года начали действовать два хоровых коллектива: 1-й Государственный хор под управлением И.Юхова и 2-й Государственный хор под управлением П.Чеснокова. В 1921 году Чесноков возглавил Государственную хоровую капеллу⁵⁵. В 1924 году стал руководить новооткрытым хоровым классом в Московской государственной консерватории⁵⁶.

В 20-е годы на фоне жестокой борьбы с церковью чрезвычайно развилась практика духовных концертов, которые обычно проходили в приходских храмах в свободное от служб время. На клиросе появилось много профессиональных певцов, среди них — артисты Большого театра. Хотя за это можно было подвергнуться преследованиям, все же необходимость заработка превозмогали преграды. В таких концертах нередко принимали участие А.Нежданова (хором в этом случае всегда управлял Н.Голованов), В.Петров, С.Стрельцов. Великолепные солисты были надежным средством привлечения публики. К примеру, одним из храмов, где нередко проходили духовные концерты, была церковь Флора и Лавра у Павелецкого вокзала. В таких концертах можно было увидеть многих выдающихся «синодалов», в том числе и Чеснокова. Вот одно из воспоминаний, относящееся к 23 ноября/6 декабря 1919 г. «Вчера был в церкви Гребневской Божьей Матери, что на Лубянской площади. Там шла всенощная с участием не одного, а целых восьми «гастролеров», и потому церковь была битком набита. Служил популярный молодой ученый — священник Калиновский, сказавший пред «Хвалите имя Господне...» сильную проповедь. Пел так называемый «художественный квинтет» одного из талантливейших современных духовных композиторов П.Г.Чеснокова с его личным участием. Служили еще трое самых голосистых протодиаконов: К.В.Розов, Китаев и Солнцев, соревнуясь друг перед другом в силе и красоте голосов, — точно «состязание певцов» из Тангейзера... Розов не только первенствовал в диаконской службе, но еще участвовал и в квинтете, причем пел соло в «Блажен муж...», «Ныне отпускаеши...» и «Хвалите...»... Он же читал и Шестопсалмие, читал так выразительно, внятно и задушевно, что его чтение задержало в церкви всех тех, кто в этот момент выходит на улицу «покурить». ...Но опять скажу: не радует меня стечение молящихся на

Раздел III

такие службы, и это уже не молящиеся, а просто «публика», жаждущая зрелищ. С другой стороны: что же делать духовенству, Розовым, Чесноковым, когда ряды богомольных людей так поредели? Поневоле станешь подлаживаться под вкусы «публики»!⁵⁷ Или другое — 16/29 ноября 1920 года: «В 5.30 вечера отправился в свой приходской храм Спаса в Пушкарях, где была совершена торжественная всенощная по чину Успенского собора, совершена подлинными «соборянами» — Любимовым, Пшеничниковым, Розовым, Румянцевым и другими. Пел прекрасный хор под управлением знаменитого регента и выдающегося духовного композитора Павла Чеснокова. Розов исполнил соло «Блажен муж...», «Ныне отпускаеши...», чесноковскую ектению и его новое произведение «Спаси, Боже, люди Твоя...» (исполняемое после Евангелия). <...> Одним словом, это больше походило на концерт, чем на богослужение. Народу сошлось необыкновенно много, в церковь не вошло и половины желающих...»⁵⁸.

Распространение практики духовных концертов в храмах и «концертного» характера служб подтверждается афишами тех лет, сохранившимися в некотором количестве, например, в собраниях Музея Глинки и Музея-квартиры Голованова. Расклеивались «застывательные афиши»⁵⁹.

Чесноков продолжал регентовать в разных храмах вплоть до конца 20-х годов. В 1920 году прихожане храма Василия Кессарийского приносят ему свою благодарность в письме: «...по несравнению выше заслуга отмеченного перстом Божиим композитора избранника Божьяго, поведующего миру свои небесные созвучия и духовные сокровища, к каковым редким избранникам принадлежите Вы»⁶⁰.

В 1925 году широко отмечалось 30-летие композиторской деятельности Чеснокова. Празднование развернулось довольно широко: в личном архиве Павла Григорьевича сохранилось более 40 поздравлений, присланных со всей России и от регентов, и от духовенства, и от прихожан, которые желали «почтить <...> музыкальные труды Чеснокова во славу русской народной музыки». В одном из адресов говорилось: «Ваше имя тесно связано с каждым, даже мало музыкальным человеком, и нет того глухого угла в необъятной России, где бы не наслаждались плодами Вашего творчества»⁶¹. Или: «Шествуй с Богом по пути царя Давида, наш дорогой «псалмопевец Павел», неси знамя Христа — Любовь — еще ближе к страждущей душе меньших братьев твоих...»⁶² 29 ноября 1925 года прошла торжественная литургия в ознаменование 30-летия регентской и композиторской деятельности Чеснокова в храме св. Василия Кессарийского. Был дан концерт Академической хоровой капеллы под управлением юбиляра, в программе концерта прозвучали произведения Чеснокова (название произведений не указано). Павлу Григорьевичу подарили икону.

Хор церкви свт. Василия Кессарийского стал последним любительским хором, с которым проработал Чесноков до 1928 года. Прихожане выразили свою признательность в благодарственном письме, которое стало прощальным во всех смыслах — Чесноков навсегда расставался со своей регентской деятельностью: «... И долго будем оплакивать свое лишение того высокого духовного наслаждения и того благостного утешения, кои мы получали тогда, когда Вы руководили нашим церковным хором, наполняя наш храм чудными звуками Ваших вдохновенных творений, которыми Вы украшали

Богослужение. <...> Вы воспели Богу от Вашего верующего сердца новую, добрую, торжественную песнь»⁶³.

30-летие своей композиторской и дирижерской деятельности Чесноков отмечал дважды: в 1925 году как регент и духовный композитор, и в 1926 году, как композитор и дирижер — в светских кругах. Второе празднование также имело большой резонанс. Чеснокову пришли поздравительные телеграммы со всей страны: от Правления Ленинградского общества писателей, от Государственного института музыкальной науки, от Орловской музыкальной школы, от Хорового класса Оренбургской музыкальной школы и от всей школы вместе, от хора Федоровского монастыря и хора Нечаева из Казани, от Юхова и его хора, от Никольского хора из Уфы, от Покровского хора из Чебоксар и многих других хоров и частных лиц.

20-е годы в регентской жизни Чеснокова, пожалуй, самые парадоксальные. Продолжая работу с церковными хорами, он являлся членом РАВИСа, руководил 2-м государственным хором и Государственной хоровой капеллой, преподавал в консерватории. Так происходил переход к «новой жизни», которая в полной мере всех страданий и тягот проявилась в годы «антицерковной пятилетки». Не получалось издать давно написанную книгу «Хор и управление им», прекратились богослужения, а вместе с ними регентская деятельность Павла Григорьевича. Тогда же практически закончилось композиторское творчество: последние духовные произведения были написаны в 1926 году, а заключительными на композиторском пути стали 5 русских народных песен ор. 55 (1936) и романсы ор. 56 (1942). Из духовных произведений последним был написан опус 53 — Шестопсалмие, «Сподоби, Господи...» (1926).

В годы антицерковной пятилетки (1932–1937), когда Чесноков испытывал большие материальные и особенно моральные трудности, за границей его сочинения издавались и пользовались большим успехом. «Вы не представляете себе, какой спрос на Ваши произведения (и здесь в Праге), и, если умело повести дело, то «автор, живущий в Москве» будет гораздо лучше обставлен материально», — писал — известный американский музыковед, композитор, дирижер Альфред Сван⁶⁴ Чеснокову⁶⁵. И он же через некоторое время сообщал опять: «Только что приехал из Белграда <...> Ваше имя там в огромном почете в музыкальных кругах благодаря сенсации, которую произвело исполнение Вашей Литургии. Это, по словам Милоевича, проф. Белградского, было целым событием в их музыкальной жизни. <...> Имя Чеснокова имеет здесь большой вес»⁶⁶. Брат Павла Григорьевича — Александр писал из Франции: «Не преувеличивая, я скажу тебе, что ни один из советских композиторов не исполняется столько, сколько ты. <...> А для реального подтверждения моих мыслей я сообщаю тебе, что здесь предпринято переиздание (литографированное) почти всех твоих произведений для удовлетворения спроса из Америки, Азии и Европы»⁶⁷.

В 30-е годы Чесноков является главным дирижером «Учебно-производственной хоровой мастерской», которая готовила квалифицированных хоровых певцов и хоровых дирижеров для рабочих клубов⁶⁸, руководил хором при Филармонии (1932–1933).

40-е военные годы Чесноков прожил в Москве, занимаясь педагогической работой в консерватории с теми немногими студентами, которые не уехали в эвакуацию. В концерте 1945 года по случаю ин-

Раздел III

тронизации Патриарха Алексия (это был первый духовный концерт после долгого перерыва) — Патриарший хор исполнил большую программу, состоявшую из шедевров русской духовной музыки, в числе которых прозвучали и произведения Чеснокова — «Благослови, душе моя, Господа...», «Разбойника благоразумного...» и «Ангел вопиеше...». Но до этого концерта Павел Григорьевич не дожил. Он умер в Москве в 1944 году от инфаркта миокарда.

В 1947 году состоялся вечер памяти П.Г.Чеснокова, где с докладами о жизни и творчестве учителя выступили консерваторские ученики Чеснокова — К.Б.Птица и С.В.Попов. Прозвучали сочинения Чеснокова для хора, но среди них не было ни одного духовного⁶⁹.

Духовно-музыкальное творчество Павла Григорьевича Чеснокова — это большая глава в истории русской православной музыки. Из 56 опусов 38 являются духовными, при этом каждый опус содержит не по одному произведению, а чаще всего представляет собой последование какой-либо службы или объединяет песнопения определенного жанра. Впрочем, такие особенности «комплектования» цикла появляются позже, начальные же опусы содержат разные песнопения, ничем не связанные. Кроме этих 38-ми опусов существуют многочисленные переложения своих и чужих сочинений для разных хоровых составов, а также произведения, не обозначенные опусом. Чеснокову принадлежат 7 Литургий, 4 Всенощных, 2 Панихиды и Песнопения отпевания мирян, а также многочисленные гармонизации различных роспевов (знаменного, опус 18, киевского, опус 17, греческого, опус 3 и другие), множество Херувимских, воскресных тропарей, прокимнов, богородичных, задостойников, причастных и др. Таким образом, композиторское творчество Чеснокова охватывает почти весь круг церковного богослужения.

В заключение приведем примечательный во многих отношениях отзыв известного хорового деятеля, профессора Московской консерватории А.В.Никольского: «Напрасный труд искать в сочинениях г. Чеснокова следов той «церковности», которая характеризуется присутствием подлинных мелодий, строгой гармонии и вообще обиходного духа. Правда, у него много «переложений», но отличительной чертой их является свобода обращения с данным материалом и самостоятельная красота той «оправы», в какую он облакает взятые в основании мелодии. На контуре древних мелодий г. Чесноков вышивает собственные узоры с поразительной силой и яркостью их красок. Из этих мелодий он «извлекает» скрытую в них роскошь музыкальной идеи и воплощает ее в формы новые и свежие; не «стилизует» только, а подлинно творит. Он не стремится подчеркнуть византизм основного мотива, с его суровостью и сдержанностью «личных переживаний», а ищет для него выражений в богатстве и смелости современных средств музыкального искусства. Отсюда во всех переложениях г. Чеснокова тот же характер, что и в его оригинальных композициях. Г. Чесноков — и в гармонии, и в голосоведении, и в общем характере своих сочинений — во власти звука, его законов, его красот и его сил. Оттого-то они всегда так музыкально содержательны. Его пьесы звучат в хоре очень сочно и поются легко, несмотря на сложность фактуры. Конечно, эти композиции не для маленьких хоров, — они рассчитаны на большие силы. Писать иначе — есть уже своего рода компромисс, а идти на него — художнику не легко; немудрено, что и г. Чесноков не отказывается от возможности широко использовать богатые средства большого хора.

Если искусство, проявляющееся во всей мощи своих собственных сил, не уступающее своих прав нигде и ни в чем — уместно в церкви, то г. Чесноков — один из лучших церковных композиторов. Если же церковь может ставить искусству известные границы и принимать его в условном смысле, — г. Чесноков может казаться слишком смелым и свободным для богослужебной обстановки. Если же признать, что кроме музыки, предназначенной для храмов, и, следовательно, долженствующей идти рука об руку со всем духом совершаемого там Богослужения, — может и должен существовать особый вид духовной музыки, как произведений для хора человеческих голосов на священные (славянские) тексты, направляемых лишь одним внутренним характером этих текстов и ничем другим, — то сочинения г. Чеснокова из ряда лучших, что у нас есть в этом роде. <...>

Г. Чесноков в большей части своих произведений едва ли удобен для клироса, как по трудности письма, так и по основному характеру этих сочинений. Если же принять во внимание то мастерство, с каким они написаны, то обилие художественных красот, какое они содержат в себе, а также и то, насколько «благодарны» они для хорошего хора и дирижера, то лучшего материала для программ духовных концертов и требовать нельзя»⁷⁰.

Примечание

¹ РГАДА. Ф. 1183. Оп. 9. Ч. I. Ед. хр. 37 (Дело по управлению московским синодальным хором и училищем церковного пения. О производстве выпускных и переводных экзаменов по окончании 1886/87 учеб. г.). Л. 25 (Метрическая выписка).

² Там же. Ч. II. Ед. хр. 29 (Дело о частных духовно-певческих хорах с предложением проекта инструкции наблюдателю за ними. Доклад члена-сотрудника П. Голубева «О частных духовно-певческих хорах в г. Москве». 1902). Л. 19, 22.

³ Дети Чесноковых: Пелагея (в замужестве Яникова), Алексей, Сергей (1871), Николай, Яков, Михаил, Павел, Владимир, Александр, Анна, Лев.

⁴ Сергей закончил училище по старой программе, то есть четыре класса (Павел закончил в тот год первый класс):

«Свидетельство. Объявитель сего, воспитанник 4-го класса Училища при Московском Синодальном хоре, сын государственного крестьянина села Талижи, Семеновской волости, Серпуховского уезда, Московской губернии Сергей Григорьевич Чесноков, родившийся 4 июля 1871 года и поступивший в училище в 1882 году, обучался в оном:

Пространному катехизису, Священной истории, Объяснению Богослужения. Церковному Уставу — 3; Языкам латинскому, греческому, русскому с церковнославянским — 2; Географии, арифметике — 3; Поведения он — 4.

Состоял на казенном содержании.

Ныне он, Сергей Чесноков, окончив полный курс учения, положенный по ВЫСОЧАЙШЕ утвержденному уставу в уездных духовных училищах, на основании экзаменов, произведенных в присутствии Депутата от Правления Московской Духовной семинарии, причислен к Третьему разряду и протоколом, подписанным Депутатом Семинарии и преподавателями училища, НЕ УДОСТОЕН перевода в 1-й класс Духовной семинарии. По сему и дано ему, Сергею Чеснокову это свидетельство от Управления Московским Синодальным хором и училищем церковного пения, за надлежащею подписью и приложением печати Московской Синодальной типографии» (РГАДА. Ф. 1183. Оп. 9. Ч. I. Ед. хр. 37 (Дело по управлению московским синодальным хором и училищем церковного пения. О производстве выпускных и переводных экзаменов по окончании 1886/1887 учеб. г.). Л. 11–12, 16, 24).

⁵ Николай был старше Павла на три года. Сначала он окончил Синодальное училище, а затем гимназию в 1892 году и занял место надзирателя в Мещанском училище.

⁶ Михаил окончил Синодальное училище в 1893 году, служил регентом в Ташкенте. Он прекрасно справлялся с делом, и протоиерей, ценя его как регента, уве-

Раздел III

личил хор с 12 до 30 человек, выхлопотал ему казенную квартиру со светом, прислугой и сторожем. Но Михаил часто пьянствовал, бездельничал, прогуливал работу. Он заболел туберкулезом и скончался осенью 1895 года.

⁷ Яков учился в одном классе с Михаилом (был старше Павла на год).

⁸ Александр был младше Павла; С.В.Смоленский считал его более талантливым. После окончания Синодального училища в 1899 году Смоленский взял Александра на работу в Певческую капеллу. В Петербурге Александр закончил консерваторию в классе Римского-Корсакова и некоторое время преподавал там. В 1924 году в поисках работы Александр уехал за границу, сначала в Прагу, затем во Францию.

⁹ Лев родился в 1889 году, закончил Синодальное училище в 1907 году.

¹⁰ В Синодальное училище поступали дети из разных общественных слоев. Некоторое преимущество при поступлении оказывалось детям духовенства, церковного клира. При выборе между двумя равными по голосу и способностям кандидатами преимущество отдавалось «лицам духовного происхождения». В хор принимали детей не только с хорошим голосом, музыкальным слухом, но также с определенным уровнем подготовки, коими были умение читать как церковную, так и гражданскую печать, а равно и умение писать. Тех, кто были лучше подготовлены, знали грамоту, брали на старшее отделение приготовительного класса, а неграмотных — на младшее. (По сословным признакам ученики делились, в количественном отношении, следующим образом: на первом месте — выходцы их крестьян, затем мещане, разночинцы и дети из семей духовного звания, потомственных и почетных граждан; на последнем месте — дворяне.) Проба проходила очень быстро и просто: один из экзаменующих брал на рояле отдельные тоны, а мальчики должны были повторять их голосом. Способности принятых мальчиков выяснялись при обучении, и тогда по мере надобности производился отсев. На вступительных экзаменах заполнялся так называемый «приемный лист», в который вносились следующие дисциплины: чтение (русский и церковнославянский языки), письмо, Закон Божий, арифметика; далее — качество голоса и слуха (отметка и отзыв). В этой части листа фиксировалось мнение регента хора и его помощника.

¹¹ РГАДА. Ф. 1183. Оп. 9. Ч. I. Ед. хр. 46 (О преобразовании Управления Московским Синодальным певческим хором — училищем при нем и Синодальным недвижимым имуществом в Москве и ея Окрестностях. 1886). Сл. 32. Перед началом каждого большого поста учеников угощали пирожными — получалось своего рода заговенье; каждое воскресенье подавалось какое-нибудь особенное сладкое: горячий шоколад с бисквитами, фруктовое желе, яблоки, арбузы. На праздники для учащихся директор просил у управляющего специальные средства на карамель, мармелад, пряники и фрукты. «Отчет: карамель — 4р.84к., мармелад — 3р.60к., пастила — 3р.64к., яблоки — 6р., груши — 4р., грецкие орехи — 2р.30к., пряники — 2р.25к., чернослив французский — 3р.80к., шарара — 3р., 100 штук пирожных — 2р.50к.» (РГАДА. Ф. 1183. Оп. 9. Ч. I. Ед. хр. 29 (Об устройстве детского праздника для воспитанников Училища при Синодальном хоре 20.12.1885 г.)).

¹² РГАДА. Ф. 1183. Оп. 9. Ч. I. Ед. хр. 43 (Об открытии двух классов училища церковного пения. 2.09.1886 г.). Л.1.

¹³ *Смоленский С.В.* Синодальный хор и училище церковного пения//Русская духовная музыка в документах и материалах. Т. 1. М., 1998. С. 43–44

¹⁴ Там же. С. 55–56, 91. В учебный процесс были привлечены все области науки, соприкасающиеся с церковным пением. С.В. Смоленский являлся крупным знатоком старообрядческого пения, создал библиотеку древних певческих рукописей, что позволило и ученикам изучать исконно русские древние напевы. Песнопения из этих книг исполнялись Синодальным хором в Исторических концертах. По собственному признанию Смоленского, он был знаком с полусотней общин разных согласий. Сначала это были отношения с казанскими старообрядцами, переехав в Москву он быстро завязал отношения с московскими.

¹⁵ РМГ. 1898. № 9. Стб. 346.

¹⁶ Там же. Стб. 348.

¹⁷ Целый ряд выпускников и бывших преподавателей Синодального училища после революции составили когорту преподавателей открывшегося в 1918 году факультета хорового дирижирования в Московской консерватории. В числе преподавателей были П.Г.Чесноков, А.В.Никольский, Н.М.Данилин и Н.С.Голованов.

¹⁸ *Смоленский С.В.* Цит. изд. С. 128.

¹⁹ Программы музыкально-ученических концертов Синодального училища церковного пения с 1889 по 1891гг. Известно, что П.Чеснокову доводилось участвовать (11.10.1890 г.) в концерте, проходившем в присутствии Победоносцевых, Саблера, Сафонова, Танеева, Аренского, где он исполнял в дуэте с Соколовым партию фортепиано в Увертюре «Калиф Багдадский» Буадье (переложение для детского оркестра) (РГАДА. Ф. 1183. Оп. 9. Ч. 1. Ед. хр. 57).

²⁰ Существует несколько экзаменационных ведомостей братьев Чесноковых: Павла, Михаила, Якова, Николая (РГАДА. Ф. 1183. Оп. 9. Ч. I. Ед. хр. 37 (Дело по управлению московским синодальным хором и училищем церковного пения. О производстве выпускных и переводных экзаменов по окончании 1886/1887 учеб. г.). Л. 5–10.

²¹ Смоленский С.В. Цит.изд. С. 86.

²² Никольский А.В. С.В.Смоленский и его роль в новом направлении русской церковной музыки//Русская духовная музыка в документах и материалах. Цит. изд. С. 159.

²³ Моск. листок. 1897. 20 дек.

²⁴ Смоленский С.В. Цит.изд. С. 108.

²⁵ «В 1911 году хор во главе со своим регентом совершил вторую большую поездку за границу; концерты давались в Варшаве, в Риме, во Флоренции, в Вене, в Дрездене; кроме того, были спеты две литургии в посольских храмах Рима и Вены. В программы было включено несколько десятков произведений разных эпох, от древних роспевов, Титова, Сарти, Бортнянского до Кастальского и Рахманинова. Рецензии зарубежных газет были полны восторженных эпитетов» (Смирнов А.П. Воспоминания о Синодальном училище и хоре//Русская духовная музыка в документах и материалах. Цит. изд. С. 487.).

Произведения Чеснокова, исполняемые Синодальным хором в период с 1896 по 1916 гг.:

1. Антифон 4-го гласа
2. Херувимские: на «Радуйся», си минор, «стрелецкая», на «Видя разбойника»
3. «Достойно есть...»
4. «Не имамамы иныя помощи...»
5. «Благослови, душе моя, Господа...»
6. «Вышнюю небес...»
7. «Ангельский собор...» (греч.роспева)
8. «О всепетая Мати...»
9. «Вышнюю небес...»
10. Великое славословие
11. Милость мира (ор.3, ор.7)
12. Верую
13. «Во царствии Твоем...»
14. «Ныне отпускаеши...»
15. «Хвалите имя Господне...»
16. «Разбойника благоразумного...»
17. «Единокордый Сыне...»
18. Стихира на «Господи воззвах...»
19. Догматик и тропарь 7-го гласа
20. «Плачу рыдаю...»
21. Многолетствование
22. «Тебе поем...»
23. «Величит душа моя Господа...»
24. «Свете тихий...»
25. «Се Жених...»
26. «Егда славный ученицы...»

²⁶ ГЦММК. Ф. 36. Ед. хр. 323 (Краткие автобиограф. наброски проф. Моск. Гос. Консерватории П.Г.Чеснокова. 1942).

²⁷ Письмо к П.Г.Чеснокова к А.Г.Чеснокову. 1895, 5 нояб.

²⁸ ГЦММК. Ф. 36. Ед. хр. 323.

²⁹ Смоленский С.В. Цит.изд. С. 136–137.

³⁰ РГАДА. Ф. 1183. Оп. 9. Ч. I. 1886 г. Ед. хр. 53 (Заявление П. Чеснокова о его согласии стать помощником регента Синодального хора (с окладом 600 руб. в год) от 24.08.1901 г.). С января по сентябрь 1901 года П.Чесноков получал за преподавание церковного пения зарплату — 40 рублей 83 копейки, а на новой должности — и.о. помощника регента — 392 руб в год, то есть 32 рубля 66коп. Можно, наверное, сказать, что с прибавлением новой должности его материальное

Раздел III

положение улучшилось (РГАДА. Ф. 1183. Оп. 9. Ч. 1. 1886 г. Ед. хр. 48 (О выдаче жалования и столовых денег должностным лицам и наставникам при Синодальном училище и хоре. 1901). Помимо неплохого жалования по этой должности Чеснокову полагались и столовые деньги — 196 руб. в год (т.е. 16 руб. 33 коп. — в месяц) (РГАДА. Ф. 1183. Оп. 9. Ч. II. Ед. хр. 4 (Дело о выдаче жалования певчим Синодального хора за 1902 г.). Л. 207).

³¹ Русская духовная музыка в документах и материалах. Цит.изд. С. 181–182.

³² См.: ХРД. 1909. № 4. С. 113.

³³ Скорее всего, регентский успех у Чеснокова был, а приведенные слова написаны под впечатлением от личных взаимоотношений с Орловым — человеком нелегкого характера. Чесноков считал, что его притесняют и просто «выживают» из училища.

³⁴ Письмо С.В.Смоленскому от 6 ноября 1903 г./Публ. А.Наумова//Муз. акад. 1998. №2. С. 173.

³⁵ В 1913 году Чесноков неожиданно для всех оставляет свой любительский хор.

³⁶ Смоленский С.В. Цит.изд. С. 95, 108.

³⁷ Ор. 3. № 1. Херувимская песнь (на «Радуйся»), № 2. Милость мира, № 3. «Ангельский собор...», № 4. Слалословие великое; ор. 6: № 1. «Се Жених...», № 2. «Егда славнии ученицы...», № 3. «Чертог Твой вижду...», № 4. «Разбойника благоразумного...»; ор. 7. Херувимские си минор и «стрелецкая», «Достойно есть...», «О Всепетая Мати...»

³⁸ Письмо П.Г.Чеснокова к С.В.Смоленскому от 9 нояб. 1904 г./Муз. акад. 1998. № 2. С. 175.

³⁹ Там же. С. 171.

⁴⁰ Ор. 12 Панихида №1, посвященная памяти брата Николая, ор.15 Песнопения из Литургии, ор.16 «30 песнопений Литургии для женского хора», ор.17, 18, 19, 20.

⁴¹ ХРД. 1909. № 2. С. 63.

⁴² Опус 17 — «Господи воззвах...», «Да исправится молитва моя...», стихира с заповем 8 гласов киевского распева, ор.18 — Богородичны, догматики 8 гласов, ор.19 — «Бог Господь...» Воскресные тропари 8 гласов, ор.20 — Прокимны, ор.22 — Задостойники Господских и Богородичных праздников. См.: Хоровое и регентское дело. 1909. №4. С. 150.

⁴³ Прокимны: 1) Вечерни (дневные), 2) Утрени, 3) «Всякое дыхание...», 4) «Свят Господь...», 5) Прокимны Литургии. См.: Там же. С. 314, 237.

⁴⁴ Там же. С. 237.

⁴⁵ ор. 37 — Церковные песнопения и Ектения просительная для диакона (баса) и смешанного хора. Ор. 38 — Церковные песнопения для смешанного хора, ор. 39 — Панихида №2, ор. 40 — 6 песнопений для соло и смешанного хора.

⁴⁶ Ор. 41 — Песнопения для дьяков с хором, ор.42 — Литургия Иоанна Златоуста, ор.43 — Церковные песнопения, ор. 44 — Главнейшие песнопения из Вespнoщного бдения.

⁴⁷ Каютов А.П. — меценат, до революции содержал хор церкви Старого Пимена в Пименовском переулке близ Триумфальной площади.

⁴⁸ Смирнов А.П. Воспоминания о Синодальном училище и хоре//Русская духовная музыка в документах и материалах. Цит.изд. С. 509–510.

⁴⁹ До 1918 года бюст находился в Большом зале, а потом погиб при пожаре.

⁵⁰ См.: Русская духовная музыка в документах и материалах. Цит.изд. С. 516.

⁵¹ ГЦММК. Ф. 36 Ед. хр. 323.

⁵² Кастальский А.Д. Из писем 1917–1918 гг./Русская духовная музыка в документах и материалах. Цит.изд. С. 296 (Письмо Х.Н.Гроздову. Москва, 1917, 14 нояб.).

⁵³ Смирнов А.П. Цит. изд. С. 496–497.

⁵⁴ Там же. С. 498.

⁵⁵ Государственная хоровая капелла была создана в 1921 году к открытию Московской филармонии. Капелла возникла на основе 2-го Государственного хора, которым руководил Чесноков, и частного хора И.Юхова.

⁵⁶ В консерватории Чесноков начал преподавать в 1920 году; в 1926-м он стал доцентом, а в 1930-м — профессором.

⁵⁷ Окунев Н.П. Дневник москвича (1917–1924). Париж, 1990. С. 306–307.

⁵⁸ Там же. С. 400.

⁵⁹ В качестве примера приведем текст одной афиши: «Храм Большого Вознесения у Никитских ворот. В воскресенье 24-го сентября 1922 года состоится

Духовные песнопения в исполнении хоровой капеллы (сост. 100 чел.) под упр. проф. Московской консерватории П.Г.Чеснокова. При участии артистов Большого Государственного театра: А.К.Матовой, А.Н.Садомова и И.П.Варфоломеева. Подробности в программах. Вход бесплатный» (ГЦММК. Ф. 36. Ед. хр. 226.).

⁶⁰ ГЦММК. Ф. 36. Ед. хр. 78 (Благодарственное письмо прихожан храма Василия Кесарийского. Москва. 25 марта 1920 г.).

⁶¹ Там же. Ед. хр. 119 (Регенты г. Новгорода. Адрес П.Г.Чеснокову. 29 ноября 1925 г.).

⁶² Там же. Ед. хр. 118 (Духовенство и прихожане храма Василия Великого. Адрес П.Г.Чеснокову в связи с 30-летием его композиторской деятельности. Москва. 16/29 ноября 1925 г.).

⁶³ Там же. Ед. хр. 79 (Прихожане храма Василия Великого. Благодарственное письмо П.Г.Чеснокову. Москва. 28/15 октября 1928 г.). Л.1.

⁶⁴ *Сван Альфред Джулиус (Альфредович) (1890–1970)* — родился и долгие годы жил в России, в 1911–1913 годах изучал композицию в Петербургской консерватории, близкий друг Рахманинова и Метнера.

⁶⁵ ГЦММК. Ф. 36. Ед. хр. 62 (Письмо А.Дж.Свана П.Г.Чеснокову).

⁶⁶ Там же. Ед. хр. 61 (Письмо А.Дж. Свана).

⁶⁷ Там же. Ед. хр. 73. (Письмо А.Г.Чеснокова).

⁶⁸ «Учебно-производственная хоровая мастерская» была весьма серьезной организацией с основательной музыкальной учебной программой, в которую, в частности, входили новые, разработанные П.Г.Чесноковым, предметы — хороведение и хоруправление (ГЦММК. Ф. 36. Ед. хр. 333).

⁶⁹ ГЦММК. Ф. 36. Ед. хр. 331 (Программа вечера памяти профессора П.Г.Чеснокова).

⁷⁰ *Никольский А.В.* Духовные концерты и их задачи//ХРД. 1909. №4. С. 113–114.

Диакон Андрей Неведов

П.Г.ЧЕСНОКОВ — ДИРИЖЕР, РЕГЕНТ, УЧЕНЫЙ

В личности Павла Григорьевича Чеснокова удивительным образом соединились различные по направлению дарования. Будучи регентом-практиком, великолепно знающим все особенности и тонкости хорового звучания и умеющим добиться этого звучания в конкретном коллективе, он в то же время сумел обобщить и систематизировать собственный практический опыт и на его основании построить научную систему, предметом которой стало церковное хоровое пение.

«ЗАПИСКИ РЕГЕНТА»

Итогом многолетних трудов Чеснокова явилась книга «Хор и управление им». Материал ее формировался постепенно в процессе анализа состояния церковного хорового пения и осмысления автором своей регентской деятельности. Первым же опытом такого осмысления стала брошюра «Записки регента» (1912). Этот небольшой по объему труд (42 тетрадных страницы) содержит шесть «заметок»-размышлений, написанных просто, ясно, без излишнего теоретизирования. Автор часто обращается к красочным сравнениям, ярко обрисовывающим излагаемую мысль.

В *первой заметке* ставится вопрос: «Что можно требовать от регента и что — только желать». В качестве ответа на первую часть вопроса предлагается три необходимых правила, которые «регент должен внушить певцам» и «без сознательного соблюдения которых хоровой певец не есть таковой» (л. 2)¹. Эти ныне широко известные правила гласят:

1. Каждый поющий в хоре должен чутко вслушиваться в свою партию, дабы силой и тембром своего голоса совершенно сливаться с ней, чтобы, таким образом, партия представляла из себя как бы один могучий голос.